

Виктор Цикитин
**Обручальное
кольцо и ремни:
история
несостоявшегося
брака**

Виктор Никитин

**Обручальное кольцо и ремни:
история несостоявшегося брака**

«Автор»

2026

Никитин В. Е.

Обручальное кольцо и ремни: история несостоявшегося брака /
В. Е. Никитин — «Автор», 2026

Это история о доверии и разочаровании, о границах человеческой стойкости и о том, как важно сохранять внутреннюю опору, даже когда рушатся ожидания. Мужчина, не веривший в знакомства через интернет, встречает женщину, с которой стремительно сближается и планирует брак. Однако обстоятельства и давление со стороны её семьи дважды разрушают их союз, оставляя героя в состоянии глубокого потрясения. Кульминацией становится недобровольная госпитализация и опыт пребывания в медицинском учреждении.

© Никитин В. Е., 2026

© Автор, 2026

Виктор Никитин

Обручальное кольцо и ремни: история несостоявшегося брака

Apa guna tangan kanan
Apa guna tangan kiri
Apa guna bertunangan
Lebih baik hidup sendiri

Зачем человеку правая рука? Зачем левая? Зачем нужна помолвка, если она не ведёт к браку? Быть может, лучше жить одному, чем связывать свою жизнь обещанием, которое никогда не исполнится.

Это малайский народный пантун — особая поэтическая форма Юго-Восточной Азии, построенная на четырёх строках, где первые две создают образ или настроение, а последние две выражают основную мысль. Внешне такие стихи кажутся простыми и даже наивными, однако за этой простотой часто скрывается глубокое жизненное наблюдение. Народная поэзия вообще редко бывает случайной: в ней сохраняется опыт поколений, переживших любовь, разлуку, предательство, одиночество и надежду.

Этот старый пантун поразил меня своей суровой ясностью. На первый взгляд в нём звучит почти бытовая ирония: зачем человеку руки, если они не помогают удержать то, что ему дорого? Но за этой иронией скрывается гораздо более печальная мысль о человеческих отношениях. Помолвка — это ещё не семья. Обещание — ещё не верность. Близость — ещё не любовь. Иногда человек вкладывает в другого всю душу, строит планы, начинает жить ожиданием совместного будущего, а потом внезапно понимает, что всё это существовало лишь в его собственном сердце.

Особенно трагично это ощущается в пожилом возрасте. Молодость легче переносит разочарования. В юности человеку кажется, что впереди бесконечно много времени, что всё ещё можно начать заново: снова влюбиться, снова довериться, снова построить жизнь. Но с возрастом каждая привязанность становится серьёзнее, каждая потеря — тяжелее, а каждая надежда — почти последней. Именно поэтому поздняя любовь бывает одновременно и особенно светлой, и особенно опасной. Она возвращает человеку чувство жизни, заставляет снова ждать телефонного звонка, радоваться встрече, строить планы, ощущать себя нужным. Но если такая любовь рушится, то вместе с ней рушится и хрупкое ощущение внутреннего равновесия, которое человек так долго и трудно выстраивал.

Наверное, поэтому строки этого пантуна звучат для меня не как насмешка над браком или близостью, а как горькое размышление о человеческой уязвимости. Ведь речь здесь не только о помолвке мужчины и женщины. Речь вообще о любых обещаниях, которые дают друг другу люди. Мы постоянно ищем опору друг в друге: в любви, дружбе, семье, верности, доверии. Человек — существо социальное, ему тяжело жить в полном одиночестве. Даже самые замкнутые люди всё равно нуждаются хотя бы в одном человеке, рядом с которым можно быть самим собой, не опасаясь унижения или предательства. Но именно эта потребность в близости делает нас беззащитными.

Иногда достаточно одного поступка, одного отказа, одного равнодушного слова, чтобы внутренний мир человека начал разрушаться. Особенно если этот человек эмоционально раним, склонен глубоко переживать привязанность и воспринимать отношения как основу собственной жизни. Тогда даже небольшая трещина в доверии постепенно превращается в пропасть. И чем сильнее любовь, тем страшнее бывает разочарование.

С возрастом начинаешь понимать, что одиночество далеко не всегда является наказанием. Иногда оно становится способом самосохранения. Человек, переживший слишком много боли, слишком много потерь или предательств, начинает бояться не самого одиночества, а новой зависимости от другого человека. Потому что любая любовь делает нас зависимыми. Мы начинаем ждать, надеяться, тревожиться, ревновать, сомневаться, страдать. Мы добровольно отдаём другому человеку часть своей внутренней свободы. И если эта любовь оказывается непрочной, то человек остаётся не только один, но и внутренне опустошён.

И всё же даже после тяжёлых разочарований люди продолжают искать близость. Наверное, потому что надежда на понимание и любовь заложена в самой человеческой природе. Можно сколько угодно убеждать себя, что лучше жить одному, что спокойнее никому не доверять и ни к кому не привязываться, но сердце редко подчиняется доводам разума. Оно продолжает ждать тепла, участия и верности, даже если жизненный опыт давно научил осторожности.

Поэтому этот старый малайский пантун для меня — не просто народное четверостишие о несостоявшейся помолвке. Это размышление о хрупкости человеческих отношений, о страхе одиночества и одновременно о страхе новой боли. О том внутреннем противоречии, в котором многие люди живут всю жизнь: человек боится остаться один, но ещё больше боится вновь пережить разрушение своей надежды.

* * *

Мне был семьдесят один год. В таком возрасте люди уже редко ждут от жизни резких поворотов судьбы. Обычно к этому времени всё становится более или менее определённым: привычки устоялись, круг общения сузился, а будущее постепенно начинает восприниматься не как пространство возможностей, а как продолжение уже сложившейся жизни. Особенно это касается личных отношений. Молодость склонна верить в случайные встречи, внезапные чувства и счастливые совпадения. Старость же, наоборот, делает человека осторожным, недоверчивым и внутренне уставшим от эмоциональных потрясений. Именно поэтому я никогда не относился серьёзно к знакомствам через интернет. Всё это казалось мне чем-то искусственным, ненадёжным и даже немного унижительным для человека моего поколения.

И всё же 10 января 2026 года я зачем-то зарегистрировался на первом попавшемся сайте знакомств. Сейчас мне трудно объяснить, почему я это сделал. Возможно, сказалось одиночество. Возможно, обычное человеческое желание тепла и близости, которое не исчезает даже в глубокой старости. Человек вообще устроен странно: сколько бы он ни убеждал себя в самодостаточности, ему всё равно хочется быть кому-то нужным. Даже прожив долгую жизнь, пережив браки, разводы, болезни и разочарования, он продолжает надеяться на понимание и любовь.

Едва я создал анкету, как мне почти сразу же «подмигнула» она. Ей было шестьдесят шесть лет. Я ответил ей «сердечком», мы перекинулись несколькими фразами, и совершенно неожиданно для самого себя я предложил ей приехать ко мне в гости. Меня удивило, что она согласилась почти мгновенно. Между нами сразу возникло ощущение какой-то лёгкости и простоты общения, будто мы давно были знакомы. Через неделю она действительно приехала ко мне.

То, что произошло потом, было для меня не просто романтическим увлечением позднего возраста. Это было настоящее чувство, которого я уже не ожидал испытать. В пожилом возрасте влюблённость воспринимается иначе, чем в молодости. Она уже не связана с тщеславием или желанием самоутверждения. Наоборот, она возвращает человеку утраченное ощущение полноты жизни. Мне вдруг снова захотелось просыпаться по утрам, строить планы, ждать встреч, разговаривать по вечерам, заботиться о другом человеке. Я почувствовал себя не стариком, доживающим жизнь, а живым человеком, которому ещё есть ради чего радоваться.

Очень быстро между нами возникла близость. Мне казалось, что я наконец встретил человека, рядом с которым смогу спокойно прожить остаток жизни. Всё развивалось стреми-

тельно. Уже через две недели после знакомства мы подали заявление в ЗАГС. Дата регистрации была назначена на 11 марта. Сейчас это может показаться безрассудством, но тогда мне всё происходящее казалось совершенно естественным. Когда человек долго живёт один, он особенно остро реагирует на внезапно появившееся тепло. Я не видел смысла откладывать счастье, которое, как мне казалось, наконец пришло в мою жизнь.

Однако уже в начале марта начали появляться первые тревожные признаки. 1 марта она сообщила мне, что её сыновья не успевают оформить какие-то документы, без которых, по её словам, наш брак якобы невозможен. Объяснение показалось мне странным и неубедительным, но я не хотел подозревать её во лжи. Мне хотелось верить. Влюблённый человек вообще склонен объяснять тревожные сигналы случайностями и недоразумениями.

Но 9 марта всё рухнуло. Она вернула мне обручальное кольцо и сказала, что её сыновья против нашего брака. Я до сих пор хорошо помню это чувство внезапной внутренней пустоты. Казалось, что за несколько минут из моей жизни исчезло будущее. Особенно тяжело было осознавать, что решение о моей судьбе принимают какие-то посторонние люди, её взрослые дети, которые даже не были частью наших отношений.

Тогда я решил оборвать всё сразу и окончательно. Я попросил её больше меня не беспокоить. Все её вещи, оставшиеся у меня дома, я отправил ей с курьером. Вместе с вещами я послал прощальный букет цветов. Сейчас понимаю, что именно это было моей ошибкой. Для меня этот букет был жестом прощания и последней попыткой сохранить человеческое достоинство после разрыва. Но она восприняла его иначе — как знак того, что дверь для примирения всё ещё открыта.

Примерно через две недели она неожиданно приехала ко мне без предупреждения. Она плакала, просила прощения, говорила, что совершила ошибку, уверяла, что никогда больше не оставит меня. Мои друзья предупреждали меня, что всё повторится, что нельзя дважды входить в одну и ту же реку, но я не смог устоять. Наверное, потому что всё ещё любил её. Да и вообще человеку в моём возрасте трудно отказаться от надежды вновь обрести семью.

Я простил её. Более того, уже 31 марта мы снова подали заявление в ЗАГС. Правда, на этот раз регистрация была назначена не через несколько недель, а через год — на 31 марта 2027 года. Мне казалось, что теперь всё будет иначе. Я был счастлив почти по-детски. После подачи заявления я остался у неё ночевать. Мы решили выспаться и отдохнуть, поэтому легли спать в разных комнатах.

Утро 1 апреля сначала было спокойным и даже радостным. Мы сидели на кухне, разговаривали, шутили, обсуждали какие-то мелочи. Но внутри меня всё равно оставалось тревожное чувство. Я спросил её, сообщила ли она кому-нибудь о нашей новой помолвке. Она ответила, что никому ничего говорить не собирается. Именно в этот момент я снова почувствовал ту же неопределённость и скрытность, которые уже однажды разрушили наши отношения.

Для меня это был не просто бытовой разговор. От её ответа зависело моё ощущение будущего. Я слишком долго жил в состоянии эмоциональной неопределённости и больше не мог этого выдерживать. Мне хотелось ясности. Хотелось понять, действительно ли она собирается строить со мной семью или снова пытается отложить окончательное решение под влиянием родственников.

Разговор становился всё более напряжённым. На фоне сильнейшего волнения у меня случились два сердечных приступа. Дважды приезжала скорая помощь. А потом, уже в третий раз, приехали психиатры и полиция.

Мне предложили добровольную госпитализацию. Я отказался, прекрасно понимая, куда именно меня могут повезти. При этом я сразу сказал, что сопротивляться не буду. Но несмотря на это, меня скрутили, связали руки, почти голого, в одних трусах, подняли вчетвером и погрузили в большой кожаный мешок.

До сих пор я не могу спокойно вспоминать этот момент. Особенно лифт. Мне казалось, что меня, перевернутого вниз головой, зажатого внутри мешка, просто забыли в этой тесной железной коробке. Лифт застрял. Воздуха не хватало. Я начал задыхаться. Где-то рядом переговаривались люди, но мне казалось, что я полностью потерял человеческий облик и превратился в беспомощный предмет, который куда-то перевозят без моего согласия.

Когда двери лифта наконец открылись, меня вынесли на улицу и, как мешок с картошкой, погрузили в машину скорой помощи. Мы долго ехали, и только ближе к полудню приехали в больницу на севере Москвы.

С тех пор меня не покидает один и тот же вопрос: кто именно принял решение о моей недобровольной госпитализации? Было ли вообще законное основание для такого решения? Или всё произошло исключительно по усмотрению врачей и полиции? После выхода из больницы я обязательно попытаюсь разобраться в этом и подать официальную жалобу в прокуратуру. Не только ради себя самого, но и ради понимания того, насколько беззащитным может оказаться человек перед системой в момент своей эмоциональной слабости.

* * *

В больнице меня сразу положили на «вязки». Так на жаргоне санитаров и персонала называют механическую фиксацию пациента ремнями к каталке или специальной транспортной доске. В официальных медицинских документах это звучит сухо и почти безобидно: «меры физического ограничения» или «механическая фиксация». На бумаге всё выглядит разумно и даже гуманно: крайняя мера, применяемая только при угрозе жизни пациента или окружающих, обязательно по назначению врача и под постоянным медицинским наблюдением. Но между сухой формулировкой и тем, как это воспринимает лежащий на этой доске человек, лежит огромная пропасть.

Меня зафиксировали жесткими ремнями сразу в нескольких местах: голени, кисти рук, локти, плечи, грудная клетка и область подмышек были перетянуты так, чтобы я практически не мог пошевелиться. Подо мной находилась твёрдая пластиковая транспортная доска. Ремни впивались в тело, постепенно начиная причинять уже не просто дискомфорт, а настоящую боль. Через какое-то время я почувствовал, как кожа под ремнями начинает саднить и кровоточить. Свободными оставались только ступни, которыми я мог едва шевелить, и голова, которую удавалось чуть-чуть приподнять. Всё остальное тело оказалось полностью обездвижено.

Самое тяжёлое в таких ситуациях — даже не физическая боль. Человек удивительно быстро привыкает к неудобствам, если понимает, зачем они необходимы. Но мне никто ничего не объяснял. Ни один врач ко мне так и не подошёл. Никто не сказал, сколько это продлится, почему меня держат в таком состоянии и что вообще происходит дальше. Я несколько раз просил санитаров позвать врача, но они либо молчали, либо делали вид, что не слышат меня. В какой-то момент я понял, что для персонала я перестал быть человеком со своей биографией, страхами, достоинством и чувствами. Я превратился просто в очередное тело на каталке.

Особенно унижительным было ощущение собственной беспомощности. Я лежал почти голый — в одном памперсе, накрытый короткой простынёй, которая едва прикрывала тело. В помещении было прохладно. Человек в такой ситуации перестаёт чувствовать себя взрослым мужчиной, личностью, человеком с прожитой жизнью. Всё это исчезает. Остаётся только физическое существование: боль в плечах, затёкшая спина, пересохшее горло и ожидание неизвестно чего.

Мне не давали ни есть, ни пить. Поскольку утром того дня я не завтракал, к вечеру получалось уже около восемнадцати часов без пищи и воды. Сначала голод ощущается остро, потом приходит слабость и какое-то странное безразличие. Организм как будто начинает экономить силы. Время тянулось мучительно медленно. Когда человек не может двигаться, часы перестают восприниматься нормально. Каждая минута начинает ощущаться отдельно.

Удивительно, но ближе к полуночи я даже сумел дважды ненадолго уснуть. Сон длился минут десять-пятнадцать, не больше. Это был не отдых, а скорее краткое забытие от истощения. Просыпался я от боли в затёкших мышцах и от ощущения ремней, врезавшихся в кожу.

Наконец поздно вечером меня сняли с фиксации. Санитары молча расстегнули ремни, помогли подняться и отвели в палату на четверых человек, где уже находился один пациент. И вот тогда я неожиданно понял, насколько человек не замечает свободы обычных движений в повседневной жизни. Возможность самому пройти несколько шагов, сесть на кровать, самостоятельно дойти до туалета — всё это вдруг показалось почти счастьем. После многочасовой неподвижности даже простая ходьба по палате воспринималась как возвращение к жизни.

Эта относительная свобода продолжалась около шести или восьми часов. Утром ко мне пришёл дежурный врач. В отличие от предыдущего персонала, он производил впечатление спокойного и даже доброжелательного человека. Он поговорил со мной, задал несколько вопросов, и мне показалось, что моё состояние его вполне устраивает. Он сказал, что обсудит с заведующим моё дальнейшее пребывание. Тогда у меня впервые появилась надежда, что всё происходящее скоро закончится.

Но через некоторое время в отделение приехала психиатрическая бригада, и меня перевели в другую больницу. Там я нахожусь до сих пор. Меня поместили в надзорную палату, а на спинке кровати повесили красную табличку: «Склонен к побегу». Эта надпись вызвала у меня горькую иронию. Убегать я никуда не собирался. Более того, физически и эмоционально я был совершенно истощён. Но в системе существуют свои формальные категории, и человек очень быстро начинает восприниматься не как личность, а как набор ярлыков и отметок в истории болезни.

И всё же, как ни странно, перевод в другую больницу показался мне переселением из ада в почти нормальную человеческую среду. После пережитого на «вязках» даже обычная палата и более спокойное отношение персонала воспринимались как огромное облегчение.

Это была моя вторая в жизни госпитализация в «острое» психиатрическое отделение. Первую я пережил ещё в 2021 году, поэтому примерно понимал, чего ожидать. Я знал, что при стандартном течении лечения выписка возможна примерно через четыре недели. Если бы я добровольно согласился на госпитализацию с самого начала, срок пребывания мог быть меньше. Но проблема заключалась в том, что я не считал своё состояние требующим недобровольной изоляции.

На протяжении последних пяти лет я добросовестно принимал назначенные препараты и находился в стойкой ремиссии. Да, эмоциональный удар от повторного разрыва помолвки оказался для меня крайне тяжёлым. Но я не считаю свою реакцию безумной или неадекватной. Я не проявлял агрессии, никому не угрожал, никого не бил. Я лишь потребовал определённости в отношениях, от которых напрямую зависело моё представление о собственной будущей жизни.

Полтора месяца меня держали в состоянии неопределённости. Сначала помолвка была фактически разрушена под давлением родственников моей невесты, потом последовало возвращение, покаяние, новые обещания и повторная подача заявления в ЗАГС. И всё это снова сопровождалось скрытностью, сомнениями и зависимостью от мнения её детей и родственников. Для человека моего возраста подобные решения — это уже не романтическая игра. Это вопрос того, как пройдут последние годы жизни.

Я не захотел снова становиться человеком, которого бесконечно держат «про запас», заставляя ждать чужого решения. Именно поэтому я жёстко поставил вопрос о будущем наших отношений. После госпитализации и многочисленных разговоров с врачами я окончательно понял: продолжение этой связи разрушало меня психологически. Поэтому я полностью исключил её и её родственников из своей жизни.

Когда меня выпишут, я не собираюсь возобновлять эти отношения. Слишком тяжёлыми и разрушительными оказались для меня события 9 марта и 1 апреля 2026 года. Некоторые раны заживают, а некоторые остаются в памяти навсегда — не как вспышка боли, а как тяжёлое внутреннее знание о том, насколько хрупким может оказаться человеческое доверие.

* * *

Немного о ней. Сейчас, когда первая влюблённость давно схлынула, а вместо восторга и ожидания пришло холодное и трезвое понимание произошедшего, я всё чаще задаю себе вопрос: что именно тогда так сильно привязало меня к этому человеку? Наверное, дело было не столько в ней самой, сколько в моём внутреннем состоянии. Человек влюблённый редко видит другого таким, какой он есть на самом деле. Он видит прежде всего собственную надежду, своё ожидание счастья, свою мечту о близости, которую переносит на другого человека. Именно поэтому в начале отношений мы нередко принимаем желаемое за действительное, а очевидные вещи замечаем слишком поздно.

Она любила телевизор. Телевизор у неё работал почти постоянно — новости, ток-шоу, сериалы, какие-то бесконечные бытовые передачи. С книгой в руках я её не видел ни разу. Возможно, она читала что-то раньше, в молодости, но за всё время нашего общения я ни разу не заметил у неё интереса ни к литературе, ни к истории, ни вообще к чему-либо, выходящему за пределы повседневного быта. Однажды я видел, как она разгадывала в интернете что-то вроде примитивного кроссворда или словесной игры, и это, пожалуй, было единственным проявлением какого-то интеллектуального досуга.

Меня удивляло даже не отсутствие у неё широких интересов, а почти полное отсутствие внутренней эмоциональной отзывчивости. Сейчас модно употреблять слово «эмпатия», хотя многие используют его просто как красивый термин. Но в её случае этого качества действительно почти не было. Когда человек тебе близок, ты невольно реагируешь на его состояние — на радость, тревогу, усталость, страх или боль. Между людьми возникает внутренний отклик. У неё же такого отклика я почти не чувствовал.

Помню, как однажды, к собственному стыду, я не смог сдержать слёз. Возраст здесь ничего не меняет: мужчина и в семьдесят лет остаётся человеком со своими чувствами и слабостями. Для меня это был момент глубокой душевной открытости и доверия. Но на неё мои слёзы не произвели практически никакого впечатления. Она не испугалась за меня, не попыталась успокоить, не проявила особого участия. Это было не жестокостью даже, а скорее каким-то эмоциональным равнодушием. Тогда я попытался оправдать её про себя: мол, у всех разный характер, кто-то просто не умеет выражать чувства. Но теперь понимаю, что именно в такие моменты человек и проявляется наиболее ясно.

Она была чрезвычайно экономной, почти болезненно бережливой. Сама по себе бережливость — вовсе не недостаток, особенно у людей старшего поколения, прошедших через дефицит, бедность и тяжёлые времена. Но иногда экономность превращается в образ мышления, в котором любая человеческая близость начинает измеряться расходами и выгодой. Даже когда она покупала для меня лекарства по моей просьбе, она брала с меня деньги — пусть и потому, что я сам предлагал их отдать. Вроде бы мелочь, но в близких отношениях именно такие мелочи постепенно создают ощущение внутренней дистанции между людьми.

Перед заключением брака она собиралась подписывать со своими сыновьями какие-то документы о разделе имущества. Конечно, в этом можно увидеть разумную осторожность. Люди в зрелом возрасте нередко стараются заранее урегулировать имущественные вопросы, чтобы избежать конфликтов между детьми и новым супругом. Я это понимал. Но меня настораживало другое: складывалось впечатление, что её родственники присутствовали в наших отношениях постоянно, словно невидимые участники нашего будущего брака. Наш союз ещё не состоялся, а вокруг него уже возникла атмосфера недоверия, согласований, опасений и семейных советов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.